

Пушкинские дни в Харбине — 1937 год

Ольга Бакич*

Поэт русского зарубежья Владислав Ходасевич писал в 1923 г.: «А я с собой свою Россию / В дорожном уношу мешке». В этом дорожном мешке лежало «...восемь томиков, не больше, / но в них вся родина моя», и всей эмиграции было без слов понятно, чьи восемь томиков содержали в себе погибшую родину. Трудно сильнее выразить значение А. С. Пушкина для русской эмиграции первой волны. Ее литература полна стихотворений, статей и книг, посвященных Пушкину.¹

В Харбине, одном из городов русской эмиграции, в начале 1920-х годов неоднократно переиздавались произведения великого поэта, как, например, *Борис Годунов* (Изд. А. Крюков, В. К. Мартинсон и Ко.) и *Скупой рыцарь. Полтава* (Изд. А. Крюков, В. К. Мартинсон и Ко.). Публикация же пушкинской *Гаврилади*, сперва в газете *Гунбао*, а затем отдельным изданием с предисловием В. Брюсова в 1922 г., вызвала скандал и конфискацию и выпусков газеты и издания.² Пушкина изучали в эмигрантских школах, его стихотворения декламировались на школьных вечерах, и его пьесы и инсценировки его произведений ставились и в школах и в харбинских театрах.

* Ольга Бакич — преподает русский язык в Торонтском университете и редактирует ежегодник *Россияне в Азии*, выходящий при Торонтском университете с 1994 года.

В 1937 году, столетие со дня гибели поэта было отмечено в Зарубежной России «во всех частях света: в Европе в 24 государствах и в 170 городах, в Австралии в 4 городах, в Азии в 8 государствах и 14 городах, в Америке в 6 государствах и 28 городах, в Африке в 3 государствах и в 5 городах, а всего в 42 государствах и в 231 городе».³ Многочисленные Пушкинские комитеты устраивали торжественные собрания и празднества, издавали сочинения поэта, выставки, книги, посвященные его жизни и творчеству, однодневные газеты.

Годовщина отмечалась и в Харбине и других местах русского поселения в Китае. К тому времени многое изменилось на Северо-Востоке Китая, и Харбин стал одним из центральных городов так называемой Великой Маньчжурской Империи. Японцы, властители этой марионеточной империи, создали Бюро по делам российских эмигрантов, посредством которого они контролировали и использовали русских в своих целях. Бюро получило власть регистрировать всех русских жителей и все русские организации, выдавать удостоверения личности, заведовать трудоустройством, распределять карточки на продукты и организовывать все политические, культурные и общественные мероприятия. Таким образом устройство пушкинских торжеств находилось под полным контролем этого Бюро.

Подготовка началась уже в 1936 году, когда Бюро образовало Центральный Пушкинский Комитет общественных организаций. Комитет находился под покровительством Архиепископа Харбинского и Маньчжурского Мелетия; председателем был назначен начальник Второго отдела Бюро К. В. Родзаевский, его заместителем профессор К. И. Зайцев, вице-председателем Н. П. Чистосердов, вторым вице-председателем Г. А. Носков, и секретарем М. В. Калямин.⁴ Родзаевский был вождем фашистской партии, а Калямин ее членом; таким образом пушкинские дни в Харбине были, к сожалению, до известной степени запятнаны фашистским участием.

С приближением этой даты, еще во второй половине 1936 года, во многих высших учебных заведениях Харбина, еще не закрытых японцами, проходили лекции и собрания, посвященные Пушкину. В Педагогическом институте был устроен цикл еженедельных лекций о Пушкине, временами сопровождавшихся декламациями его произведений, пением и музыкой. В Институте ориен-

тальных и коммерческих наук и на Юридическом факультете также читались лекции о поэте и его значении в русской литературе и культуре.

Столетие со дня гибели Пушкина падало на 11 февраля н.ст., но поскольку этот день был кануном церковного праздника трех святителей Св. Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Богослова, празднование было перенесено на 12 февраля. Этому дню предшествовали разные собрания, вечера, школьные доклады и торжества, причем большой упор делался на привлечение молодежи. Утром 12 февраля во всех русских церквях в Маньчжурской империи служились заупокойные литургии и панихиды по погибшему поэту, а в 4 часа в харбинском Железнодорожном Собрании был проведен утренник для школьников. Он начался с возложения венка на большой портрет А. С. Пушкина и речами, которые, однако, включали благодарность властям Маньчжу-Ди-Го, «давшим возможность эмиграции подобающим образом отметить годовщину смерти величайшего русского поэта».⁵ Программа началась докладом директора гимназии Бюро С. И. Цветкова и включала пение, музыку, декламацию и сценки, построенные на пушкинских произведениях.

Вечером того же дня состоялся вечер для взрослых в том же зале Железнодорожного Собрания, на котором присутствовали все местные русские политические, военные и религиозные власти, представители японской власти и администрации и публика. Доклад читал председатель Центрального Пушкинского Комитета профессор К. И. Зайцев. Затем, как и на утреннике, последовала программа, состоявшая из музыкальных и драматических номеров, построенных на пушкинских произведениях. Главная тема всего вечера была «Пушкин и Россия». Выступали симфонический оркестр под управлением С. И. Швайковского, смешанный хор и хор Алексеевского училища под управлением И. П. Райского, певцы М. И. Троицкий, Н. М. Бабайлова, А. В. Коровина, М. П. Лаптев, декламатор Ф. И. Чистяков и артисты С. М. Верлен, Е. М. Бартоновская, С. А. Зайцева, М. В. Теодориди, О. Г. Ердякова, Н. Н. Энгельгард, М. Г. Антипас-Метаксас, А. Н. Орлов, В. И. Чехов и Н. Г. Радин.

В фойе была устроена выставка пушкинских изданий, портретов и репродукций рукописей, составленная П. И. Савостьяновым, на которой можно было видеть и экспонаты, присланные из Бель-

гии внуком поэта Николаем Александровичем Пушкиным⁶; она продлилась три дня, чтобы многие, не попавшие на вечер, смогли ее посмотреть.

В эти же дни вышел сборник произведений поэта: А. С. Пушкин. *Избранные произведения. 1837-1937. Со вступительным очерком К. И. Зайцева «Смерть Пушкина»*, изданный Центральным Пушкинским Комитетом. В нем было собрано, с некоторыми сокращениями, все написанное Пушкиным о России: стихотворения, сказки, *Руслан и Людмила*, *Полтава*, *Евгений Онегин*, *Медный всадник*, *Борис Годунов*, *Арап Петра Великого* и *Капитанская дочка*. На обложке было изображение маски А. С. Пушкина по рисунку В. А. Жуковского; сборник был прекрасно иллюстрирован. Этот сборник был издан на пожертвования многих организаций и частных лиц, включая щедрое пожертвование г. Макуока, президента японского Общества Южно-Маньчжурской железной дороги. Сборник открывался обращением от Центрального Пушкинского Комитета со следующими лозунгами, набранными крупным шрифтом: «На Пушкине должно учиться России», «Пушкин — художественно воплощенная русская совесть», «Пушкин творит суд над Россией» и обращение к школьникам: «Путь ваш в Россию лежит через Пушкина! Учитесь на нем России!» В предисловии же говорилось, что это издание

по мысли Комитета, должно было быть вручено каждому русскому школьнику, проживающему в пределах Маньчжурской империи. Это не значит, что настоящее издание есть издание специально для детей и только для детей. Через детей оно должно попасть в семью и стать ее настольной книгой. Это не школьная хрестоматия, а избранные произведения Пушкина, причем избранные опять-таки не по признаку приспособления к школьным требованиям, а по признаку соответствия лозунгу: «Пушкин и Россия».

Издание было роздано частично бесплатно и частично за минимальную плату каждому русскому школьнику «без исключения». Оно вышло тиражом в 5800 экземпляров, что должно было бы указывать на то, что в 1937 году в Маньчжурской империи было только 5800 русских школьников.⁷ Эта цифра кажется несколько заниженной, хотя вполне возможно, что сборник предназначался только для детей старшего возраста.

Во вступительной статье «Смерть Пушкина» профессор К. И.

Зайцев цитировал стихотворения Пушкина, иллюстрирующие его думы о поэтическом служении, развитие его творчества, поиски душевного мира. Профессор Зайцев, будучи монархистом, писал о добрых отношениях между Николаем I и Пушкиным, «отношениях единственных в своем роде, не лишенных терний для обеих сторон, но исполненных взаимного уважения», утверждая, что Пушкин «платил Царю любовью и преданностью». Если сборник открывался портретом Пушкина, то первой иллюстрацией в книге был портрет Николая I. Зайцев, лишь вскользь касаясь причин гибели поэта, весьма подробно описывает дуэль с Дантесом, смертельное ранение, последние дни, прощание с женой и друзьями, кончину, всеобщее горе и похороны, и цитирует полностью известное стихотворение М. Ю. Лермонтова «На смерть поэта».

За этим изданием последовало еще несколько. Русская академическая группа в Харбине издала два сборника статей под редакцией профессора Г. К. Гинса: *А. С. Пушкин и русское национальное самосознание. 1837-1937* и *Россия и Пушкин. Сборник статей. 1837-1937*; оба вышли в том же юбилейном 1937 году. В последнем были собраны статьи известных ученых Харбина: и самого профессора Г. К. Гинса, и его коллег профессоров К. И. Зайцева, Н. И. Никифорова, В. В. Энгельфельда, С. В. Кузнецова и многих других лиц. Тиражом в 6000 экземпляров вышло и *Собрание сочинений А. С. Пушкина*, изданное Центральным Пушкинским Комитетом общественных организаций при Бюро. Гимназия ХСМЛ издала сборник *Памяти А. С. Пушкина*. Многие харбинские журналы и газеты отметили столетие публикацией статей с поэте, а в школах ставилось много постановок пушкинских произведений и вечеров с чтением докладов и декламацией стихотворений. По подсчетам А. С. Лукашкина, за первые три месяца 1937 года более 300 статей и заметок появилось в харбинской прессе.⁸

Как известно, с 1924 года в эмиграции создалась традиция праздновать День русской культуры в день рождения А. С. Пушкина, причем как отмечалось в харбинском однодневном выпуске *День русской культуры* 1930 г., необходимо было сделать этот день «не только днем воспоминаний и докладов», но и «днем критического обзора всех крупных событий эмигрантской жизни». В эмиграции само понятие русской культуры было неразрывно связано с именем и наследием Пушкина, и День русской культуры отмечался ежегодно и в Харбине.

Особенно торжественно этот день был отмечен в 1937 г. Традиционный однодневный выпуск *День русской культуры* вышел с портретом Пушкина и с факсимиле его подписи на обложке. Празднествами управляло Бюро по делам российских эмигрантов, совместно с Харбинским комитетом помощи русским беженцам. Архиепископ Мелетий в сослужении с соборным причтом и другим духовенством отслужил молебен в ограде Св. Николаевского Собора. На Соборной площади собрались школьники, прибывшие шеренгами из своих школ с оркестрами и знаменами. Присутствовало немало политических и военных деятелей. После молебна школьники отправились строем в Железнодорожное Собрание на утренник, а вечером там состоялось собрание для взрослых, посвященное Дню Русской Культуры. Доклад читал профессор Гинс. В фойе была вновь открыта выставка, организованная П. И. Савостьяновым и харбинским библиографом М. С. Тюниным, которая также включала работы харбинских школьников, посвященные Пушкинским дням в Харбине.⁹

Эта вторичная выставка пользовалась таким успехом, что было решено «продлить эту выставку путем издания альбома, куда вошел бы весь выставочный материал».¹⁰ Составителями вышедшей книги-альбома *Пушкин и его время. Альбом фототипий с сопроводительным текстом*, изданной Центральным Пушкинским Комитетом общественных организаций при БРЕМ в 1938 г. были профессор К. И. Зайцев, П. А. Казаков и устроитель выставки П. И. Савостьянов. Она вышла тиражом в 1160 экземпляров. Материал выставки был, как говорилось в предисловии, значительно расширен выдержками из произведений и писем поэта и другим сопроводительным материалом. В этом издании из 85 листов с 207 репродукциями и текстом прослеживалась вся жизнь Пушкина, начиная с дворянского герба рода Пушкиных и кончая рисунком с фотографии могилы и надгробного памятника.

Выходу этой книги был также посвящен специальный выпуск журнала *Рубеж*, по. 21, от 21 мая 1938 г. с репродукцией картины «Прощай, свободная стихия!» И. Е. Репина и И. К. Айвазовского на обложке. В статье, посвященной выходу книги, говорилось, что это «событие в жизни эмиграции, особенно эмигрантской молодежи... [что] узнать Пушкина — значит, с особенной силой понять и полюбить Россию и осознать свою кровную связь с нею». В этом выпуске журнала были статьи Б. Муратова «Пушкин и Россия»,

Н. Резниковой «Пушкин и женщины», «Пушкинская плеяда» профессора Г. К. Гинса. Интересно то, что обычно в *Рубеже* помещались стихотворения харбинских поэтов: в этом же не было ни одного, словно никто не осмелился поместить стихотворения в выпуске, посвященном Пушкину.

Центральный Пушкинский Комитет при Бюро продолжал свою издательскую деятельность и после прошедших торжеств. В 1940 г. вышла работа В. Ф. Иванова *А. С. Пушкин и масонство*, а в 1941 г. книга П. А. Казакова *Русская история в русской поэзии. Рюриковичи*. Последняя открывалась эпитафией Пушкина «История народа принадлежит поэту». В предисловии объяснялось «Влекущая тема — ‘русская история в русской поэзии’ — столь ‘пушкинская’ по существу своему — решила дело». Было запланировано три тома, но вышел только первый.

Первая половина 1940-х годов пришлась на военное время: шла война в Европе, Япония вела свою войну за Великую Восточную Азию, Германия напала на СССР и японцы разбомбили Перл-Харбор. Маньчжурская империя, вовлеченная в войну своими японскими правителями, испытывала тяжелые времена: все шло на поддержку фронта. Тяжело приходилось и русским эмигрантам, и еще более тяжелые испытания ожидали их. Несмотря на это, в 1944 г. в Харбине вышло пятитомное *Собрание сочинений А. С. Пушкина*. Как важно было в те годы держать в руках эти тома в дешевой мягкой обложке, и как звучали с тонкой сероватой бумаги знакомые с детства строки. Ходасевич сказал за всех нас:

А я с собой свою Россию
В дорожном уношу мешке...
...Восемь томиков, не больше,
Но в них вся родина моя.

Примечания

¹ См., например, *Венок Пушкину. Из поэзии первой эмиграции* (Москва, 1994), содержащий далеко не полное собрание стихотворений, посвященных А. С. Пушкину.

² А. С. Пушкин. *Гаврилада. Неизданное произведение А. С. Пушкина. С предисловием Валерия Брюсова*. (Харбин, 1922).

³ С. Лифарь, *Моя зарубежная Пушкиниана* (Париж, 1966), стр. 34.

⁴ «Извещение № 385», *Луч Азии*, по. 28/12, декабрь 1936 г., стр. 28.

⁵ «В Бюро по делам Российской эмиграции в Маньчжурской империи. Пушкинские торжества», *Луч Азии*, по. 30/2, февраль 1937 г., стр. 20.

⁶ А. С. Лукашкин, «Полвека тому назад в Харбине», *Русская жизнь*, 29 марта 1988 г., стр. 5.

⁷ «В Бюро по делам Российской эмиграции в Маньчжурской империи. Пушкинские торжества», *Луч Азии*, по. 30/2, февраль 1937 г., стр. 21.

⁸ А. С. Лукашкин, «Полвека тому назад в Харбине», *Русская жизнь*, 29 марта 1988 г., стр. 5.

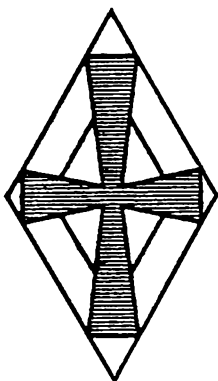
⁹ «Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурской империи. День русской культуры», *Луч Азии*, по. 34/6, июнь 1937 г., стр. 19.

¹⁰ «Пушкин и его время», *Рубеж*, по. 21, 21 мая 1938 г., стр. 1.

ЗАПИСКИ

РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ В США

ТОМ XXX

VOLUME XXX

TRANSACTIONS
OF THE ASSOCIATION OF RUSSIAN-
AMERICAN SCHOLARS IN THE U.S.A.

NEW YORK

1999-2000